

«ОБОРОНА ЗЕМСКАЯ» В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI в.

Появление во второй половине XV в. в Восточной Европе московского объединительного центра, выработка Москвой особой вотчинно-династической теории, обосновывавшей право московской ветви Рюриковичей на все древнерусские земли, сопровождалось обострением отношений молодого государства с Великим княжеством Литовским (ВКЛ). Поскольку само существование ВКЛ являлось главным препятствием реализации западного направления московской внешнеполитической программы, отношения между двумя государствами развивались в откровенно конфронтационном русле. С 1487 г. они носили характер «необъявленной войны» на порубежье, а с конца XV в. переросли в целую серию военных действий, в результате которых ВКЛ потеряло огромные территории. Достаточно сказать, что только по итогам войны 1500 – 1503 гг. к Московскому княжеству отошло 19 городов, 70 волостей, 22 городища и 13 сел [1, с. 209-210], а по оценкам современников, даже 73 крепости [2, с. 24]. Расчеты историков говорят об утрате ВКЛ от 1/4 [3, с. 34] до 1/3 [4, с. 195] государственной территории в первые десятилетия XVI в., и это без учета потерянного в ходе войны 1512 – 1522 гг. Смоленска, вместе с которым ВКЛ лишилось еще 23 тыс. кв. верст [5, с. 288].

Все эти обстоятельства заставили верховную власть ВКЛ разработать систему мер, направленных на создание и совершенствование такого военного механизма, который смог бы укрепить оборону страны. Отдельные стороны формирования и функционирования этого механизма, его демографического, хозяйственного, финансового, мобилизационного и законодательно-правового обеспечения уже нашли отражение в ряде работ, посвященных истории Княжества, однако в целом эта проблема недостаточно разработана. В данной статье ставится задача восполнить сложившиеся пробелы и, в частности, проанализировать «оборону земскую» в ВКЛ с учетом конкретных мероприятий, осуществленных в первой трети XVI в.

Политическое руководство ВКЛ в начале XVI в., как известно, находилось в руках феодального класса с великим князем во главе. При этом в княжестве не

было постоянной армии, «господарь» в мирное время имел лишь «двор» – небольшое количество воинов-профессионалов. Привилеи 1492 и 1506 гг. ограничивали действия великого князя решениями панов-рады и сеймов во внешнеполитической деятельности, однако в случае нападения на ВКЛ важнейшие оборонные постановления могли приниматься и без распоряжений сейма. Поскольку ВКЛ являлось феодальным государством, в котором земля выступала как основное средство производства, то именно она служила основой разверстки хозяйственных повинностей, прямо или косвенно обеспечивающих «оборону земскую». Со всей земли, наследственной, купленной или полученной по великокняжескому пожалованию, землевладельческий класс, выступающий в источниках как «бояре-шляхта», нес военную службу, что составляло его главную обязанность перед государством. В начале XVI в. «бояре» все реже жаловались крестьянами, постепенно прекращались и их вознаграждения за службу. Шляхта должна была участвовать в походах в сопровождении своих слуг, выставляемых по определенной квоте. Так как слуги не являлись землевладельцами, то их военная служба не была наследственной и не имела сословных признаков [6, с. 129–130]. Служилая шляхта пополнялась за счет других категорий населения, прежде всего, горожан, через земельные пожалования под условием военной службы. Особенно много таких пожалований в исследуемый период наблюдается в великокняжеском домёне, где контроль за движением земельной собственности осуществлял сам «господарь» [7]. В ряды шляхты вливались и дворяне-перебежчики из Московского княжества. Они могли существовать как за счет земельных пожалований, так и за счет выплат из «господарского скарба» или за счет доли из судебных и таможенных пошлин [8, с. 399–400].

Вокруг земельной собственности разверстывался и основной круг повинностных обязанностей, называемых «податью земской», которая была направлена почти полностью на удовлетворение военных и частично административных нужд. «Подать земская» декретировалась только тогда, когда государственные нужды не могли быть обеспечены постоянными источниками дохода – косвенными налогами и доходами с господарского хозяйства [9, с. 790]. Военные нужды должна была покрывать чрезвычайная воинская подать «серебщина». Виленский сейм 1507 г. предписывал: «... з воловое сохи по шести грошей, а с конское сохи по три грошы. А хто одного вола маеть три грошы. А хто земо держить под собою, а волов и кляч не маеть, а земли пожывають, тот однак три грошы маеть дати» [10, с. 297]. В 1514 г., когда ВКЛ потеряло Смоленск, Виленский сейм постановил нанять 7 тыс. польских жолнеров, для чего взималась новая «серебщина» в один грош с крестьян обеих полов и возрастов, двух грошей с бояр-шляхты и одного золотого с урядников и высших сановников. Следующая «серебщина», целиком ушедшая на оплату наемников, вновь была «ухвалена» Виленским сеймом 1516 г. Согласно постановлению Берестейского сейма 1518 – 1519 гг. каждый пан, урядник, их жены и дети облагались «серебщиной» в размере одного золотого, шляхта – двух грошей, а простые люди по грошу, но это не исключило новой «серебщины» 1520 г. Виленский и Гродненский сеймы 1522 г. обязывали всех землевладельцев дать с воловьеи сохи 15 грошей, конской – 7,5 гроша, не имеющих сох, но держащих землю – 6 грошей, «огородников» – 3 гроша. Затем последовали «серебщины» 1524 и 1528 гг., последняя предназначалась на оплату «служебных» и на выкуп заложенных господарских владений и определялась в 11 грошей и 2,5 пенязей со службы или 1,5 копы с каждых 8 служб.

Налогообложению подлежали и господарские города, их «земский податок» в 1529 г. составил: с Вильно – 1500 коп грошей, Ковно – 300, Гродно – 180, Минска и Новогрудка – 50 коп соответственно, более мелкие города платили от

10 до 30 коп грошей. Иногда «серебщина» делилась между городом и волостью, Могилев в 1529 г. платил 100 коп грошей, а в 1534 г. эта сумма была повышена и разделена с волостью как 40 и 60 руб. [11]. Еще по уставу 1514 г. и более поздним документам Могилевская волость должна была «давати завжды на третий год ... колько мы господарь на них положим» [12, с. 60]: 1000 коп грошей должны были внести в «скарб» евреи господарских мест, «серебщина» 1529 г. дополнительно облагала каждую службу людей еще двумя грошами. Перед началом войны на сейме 1534 г. была определена «серебщина» на 3 года со всех подданных: с рабочего вола – 12 грошей, коня – 6, безземельников – 6 грошей, «огородников» – 3 гроша. Ввиду исключительной ситуации «серебщина» 1534 г. была повышена личным распоряжением великого князя до 15 грошей с воловой сохи с условием, что третья «серебщина» будет взиматься в пониженном размере – 10 грошей. Посошная «серебщина» устанавливалась в 1507, 1520, 1522, 1534 гг.; сейм 1528 – 1529 гг. устанавливал «серебщину» по количеству «служб», «волоку» и «дымов», поголовная подать осуществлялась в 1513, 1514, 1528, 1529 гг. В означенный период эта подать имела характер единовременного акта, и лишь Виленский сейм 1534 г. «ухвалил» ее на 3 года [13, с. 132-133].

Другой экстренной мерой для пополнения военной части бюджета явились займы «господаря» у своих князей и панов крупных денежных сумм под залог городов и имений в великокняжеской части государства. На сейме 1520 г., проходившем в отсутствие короля, паны-рада писали Сигизмунду I: «... вси наши дворы и пожитки вашей же милости позаставляли, а так чего в руках не маем, того дати не можем, нижли еще один Могилев не заставае, и ваша бы милость и на тую волость нашу пенязей тысячи три або четири коп грошей набыли и тые пенязи обернули на земские потребы ...» [14, с. 5]. Однако и Могилев с волостью вскоре были заложены, а деньги пошли в Крым на «упоминки царю Перекопскому» [15, с. 58]. В городах, попавших в «заставу», при аренде перевозов и корчм четко фиксировались все выплаты, идущие на кредитора и на «господаря» по срокам и времени поступления в «скарб». Помимо «застав» высокие поступления в казну давали поступления от высших лиц государства. «Панове-рада» – постановлял сейм 1522 г. – мають на тот час «серебщину» со своих пенязей давати: князь Ян бискуп Виленский 100 злотых, князь Павел бискуп Луцкий 100 злотых, князь бискуп Жомойтский 50 злотых, пан Виленский гетман Костентин 100 злотых, пан Краштовт воевода Троцкий 100 злотых, пан Троцкий староста Жомойтский 100 злотых ...» [16, с. 67]. В 1514 г. согласно квитанции земского подскарбия Абрама Езофовича «... от месяца октября третего дня, индикта пятого – на – десять, за полтретя года до месяца марта шостого дня индикта второго ...» в «скарб» было собрано 46436 коп и 25 грошей [17, с. 162], что дает представление о годовом доходе ВКЛ.

«Податок» в основном расходовался на выплаты наемникам. Их служба обходилась «скарбу» очень дорого, за четверть года конный «наемный» получал 10 злотых, а пеший – 5-6 злотых, кроме того, ротмистры за каждых 30 завербованных получали дополнительно еще 10 злотых. По подсчетам М.К. Любавского, на наем «служебных» ВКЛ приходилось тратить от 1,5 до 3 млн руб. [18, с. 211]. Уделом наемников являлась гарнизонная служба, на которую, особенно с 1521 г., шляхта отправляться отказывалась. Гарнизоны южной и восточной частей ВКЛ формировались выходцами из Чехии, Моравии и Силезии. В 1523 г. на оплату мстиславского наемного гарнизона, состоявшего из 600 «драбов», ушло 12 сот золотых, в Кричеве 400 служебных получили 8 сот, а в Могилеве 300 солдат взяли 400 золотых [19, с. 188]. Огромные суммы пожирала война. Согласно расчетам Л. Коланковского военные действия в 1534 г. стоили казне 42890 коп грошей,

в 1535 г. – 46545 и в 1536 г. – 36545 коп грошей соответственно, тогда как «податок земский» 1534 – 1536 г. дал 85-90 тыс. кон грошей, или 212,5-225 тыс. злотых [20, с. 107-108].

До появления Литовского статута 1529 г. ВКЛ не имело единого воинского законодательства, военный кодекс представлял собой совокупность отдельных уставов, привилеев, универсалов, записей и сеймовых постановлений. Привилей Казимира 1447 г. лишь в самом общем виде сформулировал обязанность феодалов: «Как бы сами очевисте были, только кроть колько надобе служили бы» [21, с. 6]. На совещании с панами-радой под Новогрудком в экстремальной ситуации 1502 г. Александр Казимирович решил, что каждые десять служб крестьян должны выставлять одного конного воина [22, с. 208], но уже Виленский сейм 1512 г. обсуждал предложение Сигизмунда I о подымной (1 ратник с 10 «дымов») или послужебной (2 ратника с 10 служб) мобилизации [23, с. 129]. На сеймах 1528 – 1529 гг. была выработана «ухвала земская», на основании которой в течение ближайших 10 лет уже каждые 8 служб должны были выставлять одного конника [24, с. 232]. Размер службы определяется в количестве двух (Ловмянский) – четырех (Довнар-Запольский) крестьянских дворов, и если считать, что в «службе» в среднем было 3 «дыма», а на крестьянском дворе проживало 5-7 человек, то в ВКЛ одного конного воина выставляло около 150 человек.

Совершенствовалась и мобилизационная система государства, прежде всего, по точному учету служилого сословия. На Виленском сейме 2 февраля 1507 г. была выработана «устава», по которой «Панове Рада, княжата, земяне, вдовы и вся шляхта мають в ыменьях своих люди все переписати и под присягою господарю его милости тьи списки дати, его милость господарь с тых списков мает поразумети, как будеть хто его милости с ыменя своего служити» [25, с. 296]. Сеймовое постановление начало выполняться, и вскоре появился «Попис дворян всих короля его милости у Великом Князстве». М.М. Кром датировал его создание временем, предшествующим походу Сигизмунда I в Молдавию в 1509 г. [26, с. 109], а А. Болюлис и Ф. Фирковичус – «временем правления великого князя Жигимонта Старого, но не позже 1512 г.» [27, с. 14]. Этот «попис», насчитывающий более 1300 имен [28, с. 163-166], безусловно, не является полным, возможно, это лишь фрагмент переписи, частично сохранившийся по результатам копирования первого фонда книг Литовской Метрики в 1594 – 1607 гг. Так или иначе это далеко не единственный источник подобного рода, тем более странным выглядит утверждение В.С. Менжинского о том, что «перепись 1528 г. является наиболее ранним источником такого типа», а более ранних «пописов» не сохранилось [29, с. 169], и В. Веревкина-Шелюто, считающего: «Первый “попис”, материалы которого сохранились, проведен в соответствии с «ухвалой» Виленского сейма 1528 г.» [30, с. 549-550].

Проведение учета и регистрации шляхты, прибывшей к месту сбора «посполитого рушения», становилось обязательным и было закреплено на Гродненском сейме 1522 г. Там прозвучало: «Абы хто, пописавшися сам до дому отъехал без воли гетмана нашего, або бы который кони и зброи отсылал, а сам остал в малом почте, а не был у гуфе, как будеть у реестре пописан, в таковых мы мели именя их отнимати ...» [31, с. 64, 66]. Еще одна перепись была проведена по решению сейма 1528 г. [32, с. 187-188]. Например, в Жамойтии «два земянина годных веры» должны были «... шляхту и людей их, сколько в которого человека сох воловых и коней и всю маетность пописавши, королю его милость ознаймили» [33, с. 78-79]. Так появился известный «попис» 1528 г., наиболее полный образец военно-окладной документации исследуемого периода [34, с. 7-232]. В 1534 г. перепись «посполитого рушения» отмечается перепиской

великого гетмана Юрия Радзивилла и Сигизмунда I [35]. Польский вспомогательный отряд, посланный в ВКЛ летом 1535 г., дошел до границ ВКЛ и «... тех всех ляхов пописали в Барести» [36, с. 236]. Широко применяемая практика «пописов» служила как фискальным целям, так и реальному учету военных возможностей государства.

Становление мобилизационной системы ВКЛ не обходилось без жестких мер. Привилей 1447 г. запрещал правящему классу выезд в пределы государства, с которым ВКЛ находилось в состоянии войны [37, с. 6]. «Устава» 1507 г. наказывала за опоздание к месту сбора «посполитого рушенья» штрафом в 100 руб., уклонившегося от мобилизации ожидала смертная казнь, вдова, не выславшая слуг на войну, теряла имение, а дезертир – голову [38, с. 296]. Великий гетман в военное время наделялся всеми правами «господаря»: он устраивал смотр войску, составлял «попис» и рассматривал все текущие вопросы. По «уставе» 1509 г., действовавшей два года, «на господаря» отходили имения шляхты, бежавшей в Московское княжество [39, с. 62]. Репрессивные меры подтверждались сеймами 1513, 1514, 1522 и 1529 гг. [40, с. 231–232].

Дальнейшее развитие организации «обороны земской» требовало унификации всех документов, касавшихся военной сферы. Она велась в рамках создания первого Статута и предусматривала в числе первоочередных мер упорядочение воинской службы. Мысль об издании писаных прав и законов прозвучала еще на Виленском сейме 1514 г. и была повторена в 1522 г. на сейме в Гродно. Проект Статута обсуждался в 1522 и 1523 гг. в Вильно и дорабатывался в 1524 г. на сейме в Бресте. Наконец, Виленский сейм 1528 – 1529 гг. утвердил окончательную редакцию первого Статута. Его второй раздел был целиком посвящен «обороне земской» [41, с. 42–47, 142–147], обобщив все предшествующие постановления верховной власти ВКЛ в военной области.

Организация вооруженных сил ВКЛ приобрела законченную схему. В случае нападения со стороны Московского княжества военный механизм государства приводился в движение распоряжением великого князя или панов-рады. Уже цитируемая «кустава» 1507 г. гласила: «А господарь его милось маеть войне рок и местце подобным положыти, а под послуг року и местца за часу подданым ведомавати» [42, с. 296]. Но если ВКЛ само выступало в роли инициатора войны (1507, 1534), то такое событие должно было обсуждаться на сейме. Если сейм принимал соответствующее постановление, то великий князь определял место и сроки сбора шляхетского ополчения. Как правило, оно собиралось на «Велик день», «Петров день», «семую субботу», «Светлое воскресенье» под Минском или на «Дрюцких полях» [43, с. 215]. «Господарь» назначал главнокомандующего – великого гетмана (в 1500 – 1501 гг. – Семен Гольшанский, 1501 – 1502 гг. – Станислав Кезгайло, 1503 – 1507 гг. – Станислав Кишка, 1507 – 1530 гг. – Константин Острожский, 1531 – 1541 гг. – Юрий Радзивилл) [44, с. 68]. Мобилизация могла быть либо полной либо частичной, но в любом случае фиксировалась «сеймовыми листами», которые рассылались по всему княжеству заблаговременно [45, с. 22–23]. Великий гетман устраивал смотр и реестр войску и следил за соблюдением дисциплины прибывшей шляхтой. Такой «попис»-реестр составлялся дважды, первый раз при сборе «посполитного рушенья», и в этом случае гетманские писари при переписи брали «по полгроша о коня», и второй раз при роспуске, в этом случае подать не взималась. Двойной «попис» позволял выявить дезертиров и получить исчерпывающие сведения о потерях.

Снабжение продовольствием «посполитного рушенья» осуществлялось следующим образом: прибывшие на службу должны были сами заботиться о своем довольствии и взять с собой провиант, кроме того, на содержание войска в районе

его дислокации и по пути следования взималась натуральная повинность – стаця. Если же по каким-либо причинам у шляхтича оканчивались припасы, то согласно Статута и предшествовавших «устав» сеймов «тогда тот должен с гетманским вижем куда-нибудь поехать или пойти и взять нужные припасы для себя и коней и за это он должен заплатить в соответствии с постановлением» [46, с. 147]. «Уставы людем служебным на купованье живности в тягненью», а в последствии и Статут определял цены на продовольственные товары, на протяжении рассматриваемого периода изменившиеся очень незначительно [47, с. 209]. Гарнизоны «украинных городов» снабжались централизованно по особой разрядке [48, с. 230].

Реальный сценарий развертывания «посполитного рушенья» хорошо просматривается на примере войны ВКЛ с Московским княжеством 1534 – 1537 гг. В ночь с 3 на 4 декабря 1533 г. скончался Василий III, в самом начале 1534 г. об этом событии стало известно в Вильно и побудило Сигизмунда I к решению о войне с Москвой. Уже 8 января из великокняжеской канцелярии были отправлены «соймовые листы», объявлявшие о начале сейма 15 февраля. Королевские «универсалы», датированные по результатам сеймового решения 12 и 14 марта, обязывали шляхту собраться под Минском не позднее 23 мая. В мае-июне, не дожидаясь полного сбора всех сил, отряды Юрия Радзивилла совершили рейды в Северскую землю, и лишь к 20 июля произошло полное сосредоточение войск ВКЛ [49, с. 38-39]. Процедура подготовки к войне с соблюдением всех формальностей заняла более полугода.

Кодификация «обороны земской», определенная сеймовыми постановлениями и закрепленная Статутом 1529 г., безусловно, не являлась универсальной. Очень многое, касавшееся жизни государства в военное время, не вошло в первый Статут и не подлежало регламентации. Традиционной продолжала оставаться городская повинность [50, с. 19-21], широкое привлечение местного населения для инженерных работ [51] по пути следования войск и для ремонта в «замках украинских» [52]. Иногда воинское законодательство вступало в противоречие с областными привилегиями в различных частях ВКЛ или иными документами, действующими параллельно Статуту. Так, 28 июня 1534 г. Сигизмунд I лично обращался к шляхте Жамойтии с грамотой о прекращении своевольств и беспорядков и полном повиновении великому гетману Юрию Радзивиллу [53, с. 1-2].

«Оборона земская», сложившаяся в ВКЛ в первые десятилетия XVI в. в противоборстве с Москвой, несла на себе отпечаток особенностей государственного строя и политической системы Ягеллонской державы. Она имела и положительные стороны и недостатки. М.К. Любавский и М.В. Довнар-Запольский отмечали заметное отставание вооруженных сил ВКЛ, но только по отношению к западно-европейским странам [54, с. 798]. Будучи адаптированной к хозяйственному укладу, демографическим возможностям и военным навыкам правящего класса ВКЛ, «оборона земская» в исследуемый период показала свою эффективность. После взятия Смоленска Москва больше не получила новых территориальных приобретений за счет ВКЛ. Если Сигизмунду I и не удалось вернуть Смоленскую землю, то в войне 1507 – 1508 гг. ВКЛ смогло отвоевать Любеч и сохранить контроль за средним течением Днепра, а в кампании 1534 – 1537 гг. овладеть Гомелем, Стародубом и Радогощем. В споре с Москвой за «древнерусское наследство» ВКЛ вовсе не выглядело пассивной стороной и прочно удерживало свои восточнославянские владения.

Осуществленные в первой трети XVI в. в ВКЛ преобразования в области «обороны земской» носили характер военных реформ и привели к созданию

достаточно действенного военного механизма, способного стать противовесом активной внешней политике Москвы. Государство получило кодифицированное воинское законодательство и более или менее устойчивые очертания финансового и хозяйственного обеспечения вооруженных сил, что на столетия сохраняло его восточные границы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lietuvos Metrika. – Кн. 5. – № 118. 13. – Р. 209-210.
2. Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. 1 (XVI ст.). – Киев. 1890. – С. 24.
3. **Грицкевич А.П.** Внешняя политики Великого княжества Литовского в первой половине XVI в. (восточное направление) // Франциск Скорина и Вильнюс. – Вильнюс, 1991. – С. 34.
4. **Зимин А.А.** Россия на рубеже XV – XVI столетий. – М., 1982. – С. 195.
5. **Кашпровский Е.И.** Борьба Василия III Ивановича с Сигизмундом I Казимировичем из-за обладания Смоленском (1507 – 1522 гг.) // Сборник историко-филологического общества при институте князя Безбородко в Нежине. – Т. II. – Нежин, 1899. – С. 288.
6. **Юргинис Ю.** Бояре и шляхта в Литовском государстве // Восточная Европа в древности и средневековье. – М., 1978. – С. 129-130.
7. РГАДА. Ф. № 389. оп.1, д.9. л.101, д.12. л.126.
8. Lietuvos Metrika. – Кн. 8. – Vilnius, 1995. – № 551. – Р. 399-400.
9. **Довнар-Запольский М.В.** Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. – Т. I. – Киев, 1901. – С. 790.
10. Lietuvos Metrika. – Кн. 8. – № 393. – Р. 297.
11. **Довнар-Запольский М.В.** Государственное хозяйство... Приложение. – С. CIV – CV.
12. Lietuvos Metrika. – Кн. 10. – Vilnius 1997. – № 43. – Р. 60.
13. **Максимейко Н.А.** Сеймы Литовско-Русского государства до Люблинской унии 1569 г. – Харьков, 1902. – С. 132-133.
14. **Любавский М.К.** Литовско-Русский сейм. – М., 1900. – Приложение № 2. – С. 5.
15. Lietuvos Metrika. – Кн. 10. – № 39. – Р. 58.
16. **Максимейко Н.А.** Сеймы... Приложение. – С. 67.
17. Lietuvos Metrika. – Кн. 8. – № 156. – Р. 162.
18. **Любавский М.К.** Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. – М., 1915. – С. 211.
19. Акты Литовско-Русского государства (изд. М.В. Довнар-Запольский). – Вып.1. (1390 – 1529 гг.). – М., 1899. – № 164. – С. 188.
20. **Kolankowski Z.** Zygmunt August Wielki ksiaze Litwy do roku 1548. – Lwow, 1913. – S. 107-108.
21. Законодательные акты Великого княжества Литовского XV – XVI веков. – Л., 1936. – С. 6.
22. **Любавский М.К.** Очерк истории Литовско-Русского государства. – С.208.
23. **Максимейко Н.А.** Сеймы Литовско-Русского государства. – С. 129.
24. Акты Литовско-Русского государства. – № 198. – С. 232.
25. Lietuvos Metrika. – Кн. 8. – № 393. – Р. 296.
26. **Кром М.М.** Меж Русью и Литвой. – М., 1995. – С. 109.
27. Lietuvos Metrika. – Кн. 8. – Р. 14.
28. Lietuvos Metrika. – Кн. 8. – № 158. – Р. 163-166.
29. **Менжинский В.С.** Структура феодального землевладения в Великом княжестве Литовском. История СССР. – 1987. – № 3. – С. 169.
30. Энциклапедыя гісторыі Беларусі. – Мн., 1998. – Т.5. – С. 549-550.
31. **Максимейко Н.А.** Сеймы Литовско-Русского государства. Приложение. – С. 64, 66.
32. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. – СПб., 1848. – Т. 2. – № 152. – С. 187-188.
33. **Максимейко Н.А.** Сеймы Литовско-Русского государства. Приложение. – С. 78-79.
34. Русская историческая библиотека. – Петроград, 1915. – Т. 33. – С. 7-232.

35. РНБ(СПб)ОР. Ф.№ 293. Оп. 1., ед. хр.75, л. 1, ед. хр. 79. л. 1.
36. Полное собрание русских летописей. – Т. 35. – М., 1980. – С. 236.
37. Законодательные акты Великого княжества Литовского. – С. 6.
38. Lietuvos Metrika. – Кн. 8. – № 393. – Р. 296.
39. Акты, относящиеся к истории Западной России. – Т. 2. – № 50. – С. 62.
40. Там же. № 88. с.114 – 115, № 152. с.187 – 188, Акты Литовско-Русского государства. Вот.1. № 198. – С. 231-232.
41. Статут Великого княжества Литовского 1529 г. – Мн., 1960. – Разд. 2. – С. 42-47, 142-147.
42. Lietuvos Metrika. – Кн. 8. – № 393. – Р. 296.
43. Акты, относящиеся к истории Западной России. – Т. 2. – № 12. – С. 8-10; *Малиновский И.А.* Сборник материалов, относящихся к истории панов-рады Великого княжества Литовского. – Томск, 1901. – № LIII. – С. 215.
44. *Сагановіч Г.М.* Войска Вялікага княства Літоўскага ў XVI – XVII стст. – Мн., 1994. – С. 68.
45. *Любавский М.К.* Литовско-Русский сейм. – Приложение № 12. – С. 22-23.
46. Статут Великого княжества Литовского 1529 г. – С. 147.
47. Русская историческая библиотека. – СПб., 1903. – Т. 20. – № 416. – С. 1145-1146, № 463. – С. 1177-1178; Статут Великого княжества Литовского 1529 г. – С. 209.
48. Акты Литовско-Русского государства. – Вып. 1. – № 197. – С. 230.
49. *Сідарэнка Б.І.* Старадубская вайна (Вайна Вялікага княства Літоўскага з Маскоўскай дзяржавай 1534 – 1537 гг.) // Беларускі гістарычны часопіс. – 1998. – № 1. – С. 38-39.
50. *Грушевский А.* Повинность городской работы в Великом княжестве Литовском // Журнал Министерства народного просвещения. – 1914. – № 11. – С. 19-21.
51. РНБ(ОР) Ф. № 293. Оп.1. ед. хр. 103 л. 1, ед. хр. 105. л. 1.
52. *Довнар-Запольский М.В.* Очерки по организации западнорусского крестьянства в XVI веке. – Киев, 1905. Приложение № 15. – С. 38 – 39; РНБ(ОР). Ф. № 293. Оп. 1, ед. хр. 96, л. 1, ед. хр. 101, л. 1, ед. хр. 102, л. 1, ед. хр. 106 – 107. Лл. 1,1.
53. РНБ(ОР). Ф. № 293. Оп. 1, ед. хр. 82, л. 1-2.
54. *Любавский М.К.* Очерк истории Литовско-Русского государства. – С. 210; *Довнар-Запольский М.В.* Государственное хозяйство Великого княжества Литовского. – С. 798.

SUMMARY

The article is devoted to the analysis of the enactments realized in the Great Principality of Lithuania by the supreme power in the first third of the XVI century to improve the financial, mobilization and legislative guarantee of armed forces in connection with the strained relations with the Moscow state.

The author comes to the conclusion that all these measures were none but reforms and brought to the forming of rather strong effective army mechanism. Resting on it the Principality solved the problems of the state security.